

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ДИКИЙ, ДИКИЙ
ЦОРД

Абсолютное оружие

Василий Головачев

Дикий, дикий Норд

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Дикий, дикий Норд / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2017 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-699-98081-9

Земля, если приглядеться, очень небольшая, и Арктика совсем недалеко от Антарктиды. По крайней мере в судьбе полковника Вербова они стоят рядом и по времени, и по целям нового рейда его спецгруппы. В районе Северного полюса обнаружен артефакт, похожий на тот, что был найден в подледном озере Восток, потому его изучение и доверено отлично выполнившим прошлое задание подводникам и офицерам. Осложняет ситуацию то, что стратегические противники России, похоже, на этот раз отступить не намерены и, чтобы завладеть таинственным инструментом изменения реальности, созданным древними гиперборейцами, готовы действовать самыми грязными методами и даже развязать войну.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98081-9

© Головачев В. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Василий Головачёв

Дикий, дикий Норд

© Головачёв В.В., 2017

© Оформление ООО «Издательство „Эксмо“», 2017

– Ты как здесь оказался?

– Стреляли...

Из кинофильма «Белое солнце пустыни»

Глава 1

К полюсу

День вблизи Северного полюса длится долго – почти полгода, с марта по сентябрь, и тем, кто летом собирается совершить путешествие к полюсу, надо учитывать то обстоятельство, что вставать и засыпать придётся при ярком солнечном свете и одновременно быть готовыми к внезапным снежным бурям.

Восьмого июля атомный ледокол «Борей», второй после «Арктики» в линейке ледокольных судов проекта 22220, официально проходящий ходовые испытания, приблизился на расстояние в сто десять километров к географической точке Северного полюса, преодолев льды толщиной до пяти метров. В зимнее время даже он, единственный в мире ледокол с лазерным резаком льда, вряд ли смог бы подобраться к полюсу так близко. Но летом площадь льдов существенно сокращалась, толщина ледяной шапки уменьшалась, в ней появлялись разводы, полыньи и трещины, и новейшему российскому ледоколу с ядерным реактором последнего поколения удалось то, что не удавалось ни одному другому судну. Помогло ещё и начавшееся глобальное потепление климата, способствующее освобождению Северного Ледовитого океана от многолетних льдов, по сути – уникальное явление, по расхожему мнению связанное с деятельностью человека. Как минимум десять тысяч лет такой тёплой Арктики Земля не знала.

Магнитные полюса планеты не раз меняли своё местоположение. К примеру, семьдесят пять миллионов лет назад Северный находился на юге нынешней Евразии, а южный – в Боливии. А по расчётам учёных ещё двенадцать тысяч лет назад оба полюса располагались на противоположных сторонах экватора, по одной из гипотез изменив положение в результате войны Атлантиды и Гипербореи. Но чтобы проверить это, надо было исследовать Антарктиду и подводный мир Арктики, что в нынешние кризисные времена не представлялось возможным. Тем не менее в Антарктиде экспедиции работали, в том числе у озера Восток, на дне которого был найден артефакт древней цивилизации. Пришла пора заняться и дном Северного Ледовитого океана в районе полюса. Поэтому ничего удивительного в походе ледокола «Борей» к Северному полюсу не было, хотя формально он всего лишь проходил рабочие испытания.

Кроме изучения дна океана в районе полюса перед экипажем атомохода и небольшой исследовательской группой, курируемой военными экспертами, стояла и другая задача, о которой был поставлен в известность только капитан ледокола Владимир Антонович Рябошлык. Именно к ней в первую очередь и приступил «Борей», пройдя через льды и остановившись в точке с координатами: сто шестьдесят градусов восточной долготы и восемьдесят девять градусов северной широты, – в двух километрах от впадины Макарова. Задачей этой был спуск под воду «Изделия 100», прозванного «Цербером», одного из так называемых «подводных постов гарантированного возмездия», представлявшего собой герметичный комплекс для мониторинга донной обстановки, позволяющий быстро определять возможные угрозы, детализировать и при необходимости уничтожить. Эта роботизированная информационная система решала задачи морской подводной разведки и выдавала целеуказания с такой оперативностью и точностью, что стопроцентно гарантировала обнаружение и уничтожение любой подводной и надводной цели, будь то мина, одиночная подлодка или авианосная ударная группа.

Работал комплекс следующим образом.

Сначала модуль «Гаптель» сканировал подводное пространство и обнаруживал потенциально опасные предметы. Дистанционно управляемый робот с оптико-электронной и акустической аппаратурой обследовал обнаруженный предмет, и оператор либо сам заведомо запрограммированный компьютер управления, производящий окончательную классифика-

цию, отправлял подводный уничтожитель «Чилим», с помощью направленного взрыва ликвидирующий опасный предмет или корабль.

Подобные комплексы уже прошли проверку в реальной обстановке, начиная с две тысячи двенадцатого года, когда во Владивостоке состоялся саммит АТЭС, затем в Сирии и на Камчатке и доказали свою невероятную живучесть и эффективность. Нынешнее поколение «Церберов» вообще не имело аналогов в мире, несмотря на создание Соединёнными Штатами пресловутых «морских охотников» и подводных роботов.

В десять часов утра (по времени Москвы) с кормы ледокола начали спуск комплекса, состоящего из пяти модулей, по форме напоминавших нефтеналивные железнодорожные цистерны с «плавниками» и множеством полусфер по периметру днища, в которых прятались манипуляторы и узлы для сцепки модулей между собой и крепления их ко дну.

Место спуска обследовали эхолотами заранее. «Цербер» не должен был утонуть в иле и опускаться на вершину одной из подводных гор.

На палубе возле специального крана появились, кроме бригады моряков и инженеров, ответственные за подготовку аппарата к работе люди: полковники научно-технического центра Министерства обороны Логинов и Ващенко, руководитель экспедиции, профессор геологии и разведки полезных ископаемых Маховицкий и его зам, океанолог Пилиев.

Переговариваясь, они принялись наблюдать за процессом спуска «Цербера» в полынью за кормой ледокола, поглядывая на бескрайнее ледяное поле со снежными торосами, не нарушаемое никаким движением. Температура воздуха держалась на уровне минус тридцати градусов, но ветра не было, и небо, свободное от облаков, казалось бездонным сине-фиолетовым куполом, расшитым нитями солнечных лучей.

Время спуска было выбрано с таким расчётом, чтобы над этим районом Арктики не пролетали спутники по крайней мере в течение сорока пяти минут.

Работа двигалась споро. После того как отблёскивающие синевой защитных корпусов «цистерны» были освобождены от защитных сеток, матросы закрепили на первой многотонной машине петли тросов, и кран осторожно опустил «цистерну» в полынью. За ней последовали остальные «цистерны». Облепившие все пять «баков» матросы быстро соединили их в единую конструкцию и перебрались обратно на борт ледокола.

– Молодцы, парни, – одобрительно проговорил плотно сбитый полковник Ващенко. – Без суеты, спокойно, точно.

– У матросов возник миф, – усмехнулся в усы его коллега Логинов. – «Изделие 100» они считают ядерной бомбой, рассчитанной взорвать межконтинентальный разлом в сторону Аляски.

– Ну, они недалеко от истины, – ответно усмехнулся Ващенко, пряча подбородок в тёплый ворот арктического костюма; он плохо переносил морозы ниже минус десяти градусов. – Наши «игрушки» (он имел в виду подводных роботов) могут и до Аляски добраться, и вообще до всего Восточного побережья Америки.

– Не дай бог, чтобы это произошло!

– Никто этого не хочет, Иван Кириллович, но пока что кругом одни враги, мы обязаны подстраховываться.

Купола «Изделия 100» исчезли под водой.

Матросы вернули кран в исходное положение и разбежались по отсекам судна.

К представителям Минобороны подошёл капитан Рябошлык.

– Связь с комплексом установлена, товарищи командиры, идёте в рубку.

– Успели? – спросил Логинов.

– Штатовский спутник появится с минуты на минуту, успели.

Группа военных экспертов и учёных поднялась на ходовой мостик ледокола.

В просторном помещении рубки, опоясанном пультом управления кораблём с десятками жидкокристаллических панелей и дисплеев, было установлено дополнительное оборудование и аппаратура для контроля «Изделия 100» – нечто вроде авиатренажёра с креслом оператора, большим изогнутым экраном, клавиатурой на консоли и двумя вспомогательными дисплеями. В кресле сидел старший лейтенант Сомов, который должен был настроить систему и обеспечить её работоспособность в точке установки.

Экран показывал темнеющее на глазах фиолетовое поле с лёгкой зеленью – толщу воды, пронизанную лучами прожекторов «Цербера». Арктические воды вблизи полюса были практически лишены какой-либо живности, и телекамеры комплекса бесстрастно фиксировали её отсутствие ровным свечением экранов.

– Что там? – задал необязательный вопрос Логинов.

– Всё в норме, – оглянулся короткостриженный, круглоголовый лейтенант Сомов. – Головастик докладывает: спуск осуществляется в штатном режиме. Через полчаса достигнем дна.

– Располагайтесь, товарищи, – сказал капитан Рябошлык, поведя рукой. – Сейчас принесут чай, кофе, делать всё равно пока нечего.

– Пожалуй, я пойду к своим, – сказал Маховицкий, широкоплечий бородач в белой парке, свободно выдерживающей любой мороз; в его распоряжении была исследовательская группа полярников, располагавшая собственным отсеком в трюме. – Вернусь через полчаса.

– Я с вами, – деликатно поддержал его Пилиев.

– Мы предупредим, – пообещал Логинов.

Они ушли. Представители Минобороны уселись на стульчики вокруг кресла оператора и, обмениваясь репликами, принялись потягивать из пластиковых стаканчиков кофе.

Спуск «Цербера» длился сорок минут. Глубина океана в данном районе не превышала полутора километров. Вернулись вызванные Маховицкий и его зам, все обступили блок управления комплексом.

Экран по-прежнему показывал чёрную бездну, изредка вспыхивающую бисеринками всплывающих пузырьков метана. Наконец лучи прожекторов высветили складчатое, каменистое дно океана, преимущественно коричневого цвета, с добавлением зеленоватых и жёлтых оттенков.

«Цербер» завис на высоте около ста метров от вершины ближайшей каменной складки.

– Вам не кажется, – неуверенно сказал присоединившийся к наблюдавшим за спуском аппарата штатный археолог и историк экспедиции Веденин, – что рельеф дна похож на искусственный лабиринт?

Военные эксперты переглянулись.

– Вам везде мерещатся искусственные сооружения, Борис Анатольевич, – с улыбкой заметил Маховицкий.

– Просто мы сейчас находимся над центральным морем Гипербореи в окружении четырёх материков, – смутился небольшого росточка вихрастый Веденин, – если верить карте Меркатора. Вполне можем наткнуться на остатки сооружений гиперборейцев.

– Гиперборейцы – миф.

– Не миф, фактов найдено предостаточно!

– Здесь уже ходили наши подлодки, ничего не нашли, – поддержал начальника экспедиции Логинов.

– Не присматривались. Вряд ли их целью были поиски археологических раритетов.

– Вполне понимаю ваши надежды, – сказал Маховицкий, – хотя и не разделяю вашего оптимизма.

– Сто метров до посадки, – доложил Сомов.

Собравшиеся замолчали, всматриваясь в экран на то, как «Цербер» опускается на довольно ровную каменную складку в окружении слоистых холмов донных отложений.

– Минутку, посмотрите левее, – вдруг сказал Веденин.

Руководители экспедиции подались к экрану.

Оператор ловко развернул прожектор.

Столб света выхватил из полутьмы вылезающий из ила обломок скалы, похожий на витой козий рог.

– Башня... – пробормотал Веденин.

– Странная форма, – покачал головой Ващенко. – Прямо-таки бараний рог.

– Скорее козий, – возразил Маховицкий.

– Длинной в полсотни метров? – скептически проворчал Ващенко.

– Шутка природы.

– Уж очень правильной формы шутка, – усомнился Веденин. – Мы не можем подойти ближе?

– «Цербер» не исследовательский робот, – засомневался Ващенко.

– А вдруг это гиперборейский артефакт?! – загорелся Веденин. – Вдруг мы сделали открытие?!

– У нас конкретная задача, мы не можем рисковать.

– Давайте опустим туда «Медузу», – предложил Маховицкий. – Мы же специально брали робота для подводных исследований.

– Отличная мысль!

Логинов посмотрел на Ващенко.

– Что думаешь, Иван Константинович?

– Нас предупреждали... – Полковник имел в виду командующего Северным флотом.

– Неужели это оно?

– Узнаем.

– Первый же спуск – и сюрприз? Не слишком ли мы удачливы?

– Проверим. Надо срочно доложить наверх.

– Добро. – Логинов повернулся к Рябошлыку. – Готовьте к спуску «Медузу», Владимир Антонович.

– А «Цербер»? – спросил оператор.

– Сажайте на точку, как и рассчитывали, его установку никто не отменял.

Прожектора комплекса снова упёрлись в дно океана.

«Изделие 100» начало опускаться на место установки.

Глава 2

Центр

О событиях в Арктике министру обороны России Евтюху Петряну Павловичу доложили восьмого июля, когда он собирался лететь в Крым на открытие памятника адмиралу Нахимову. Посоветовавшись с заместителями, он отложил мероприятие и утром девятого собрал совещание, на которое были приглашены замминистра Тумановский, директор ФСБ Калининцев, директор Главного разведывательного управления Министерства обороны Волгин, главком Военно-морского флота России адмирал Сурмянов и директор научно-технического управления Минобороны Делягин.

Собрались все точно к назначенному часу, но министр не сразу впустил их в свой кабинет в здании НЦУО на Краснопресненской набережной, вынужденный ответить на прямой звонок президента.

– У него кто-то есть? – спросил комфлота, кивнув на дверь кабинета. – Чем он занимается?

– Охотится на покемонов, – пошутил директор научно-технического управления Делягин.

– Эту ерунду он не приветствует, – вступился за начальника Тумановский.

– Петрян Павлович разговаривает по телефону, – виноватым тоном сказал секретарь-адъютант министра, молодой капитан.

– Вы зря считаете покемонов ерундой, Евгений Анатольевич, – сказал директор ФСБ, покачив головой. – Это настоящая зараза, заменившая большей части молодёжи культурные традиции, превращающая пацанов в придатки к машине-автомату. Покемономания будет посильнее обычных компьютерных войнушек.

– Согласен, – сделался серьёзным Делягин, осанистый, с волнистыми светлыми волосами. – Друзья моих детей так увлеклись покемонами, что перестали учиться. Я бы смотрел на это повальное увлечение сквозь пальцы, ну хочет человек с ума сойти – туда ему и дорога, если бы не видел цель разработчиков игры.

– И какая же это цель? – поинтересовался Сурмянов.

– Разведка, – пожал плечами Делягин.

– Не только разведка, – сказал Калининцев. – Хотя уши проекта и торчат из венчурного фонда In-Q-Tel, созданного ЦРУ ещё в тысяча девятьсот девяносто девятом году. Разумеется, спецслужбам США, да и остального мира, полезно иметь в России в реальном времени сотни агентов с камерами в нужном месте и в нужное время. В том числе – в наших институтах и коридорах власти. Но кроме того, покемонология даст сто очков вперёд любому флешмобу, потому что она тотальна. А что это означает, товарищи генералы?

– Договаривайте.

– На этой платформе успешно отрабатывается инструментарий управления массовым сознанием, причём с загрузкой смысла извне. Вот так и готовятся нынче «оранжевые революции». Я прав, Мирон Андреевич?

– Более чем, – сдержанно ответил Волгин.

– А вы что молчите, Сергей Сергеевич?

Сурмянов пригладил широкой ладонью ёжик седеющих волос.

– Я не настолько человеколюбив, чтобы с радостью созерцать толпы идиотов в процессе идиотизма.

Присутствующие рассмеялись, понимая чувства главкомфлота.

– Поддерживаю стратегически, – сказал Волгин, кашлянув. – Я тоже не приемлю современные увлечения молодёжи, хотя мы сами виноваты в потере ими нравственной ориентации. Прочитал недавно рекламное объявление в газете, центр современного искусства МАРС приглашает посетить «масштабную коллаборацию в области интерактивных модераций и стрит-арта». Как вы думаете, кто пойдёт полюбоваться на эту «коллаборацию»?

– Далеко не идиоты, – улыбнувшись, качнул головой Делягин. – Но люди типа небезызвестного Марата Гельмана, мнящие себя великими ценителями искусства, способные восхвалять любое уродство как гениальное произведение.

– И ведь пойдут, – с сожалением сказал Сурмянов.

– Потому что зомби-программы неолибералов действуют не только на молодёжь, в Сети полно мудаков, поддерживающих внутриполитический курс правительства на оболванивание масс, и даже отмена ЕГЭ, о которой заговорил новый министр образования, не спасёт ситуацию.

– Больно вы пессимистичны, Виктор Фёдорович, – осуждающе проговорил Тумановский. – Позитивные сдвиги всё-таки намечаются, и в культуре, с новым министром, и в образовании.

– Не верьте, все лгут, обещая прекрасное будущее, цели остались теми же.

– Ну, самые патологические лжецы всё же американцы, а не наши чиновники.

– Самые патологические лжецы и предатели – украинские власти, могу привести сотни примеров, но согласен с вами, Евгений Анатольевич, и наши чиновники недалеко от них ушли.

– Товарищи, Петрян Павлович просит вас зайти к нему, – объявил секретарь, распахивая дверь.

Приглашённые потянулись в кабинет.

Евтюх жестом показал на стол для совещаний, снял наушники, поздоровался с каждым за руку.

– Присаживайтесь, товарищи генералы и адмиралы. Напитков не предлагаю, не обесудьте, нет времени на стандартные посиделки. Сергей Сергеевич, доложите о поступивших данных.

Главком ВМФ раскрыл планшетник.

– Товарищи, ледокол «Борей» добрался до нужного района Арктики и установил на дне комплекс «Цербер». Операция прошла в штатном режиме. Но... – Сурмянов помолчал, обдумывая слова, – не обошлось без сюрпризов. В точке сброса «Цербера» обнаружен необычный объект, заставивший нас, – главком посмотрел на Волгина, – пересмотреть кое-какие планы. В ноябре этого года мы собирались направить в район Северного полюса экспедицию, но, очевидно, придётся сделать это раньше.

Директор ФСБ уже был в курсе новостей, так как сообщение с борта ледокола «Борей» пришло к нему одновременно с сообщением в Минобороны, поэтому остался спокоен. Впрочем, прошло уже достаточно времени, чтобы и остальные члены совещания узнали о случившемся. Тем не менее Калининцев спросил:

– Новых известий нет?

Сурмянов отрицательно покачал головой.

– Под воду была спущена «Медуза», наш новый подводный беспилотник, но он успел передать лишь изображение объекта, который мы называли Бараньим Рогом. После этого робот замолчал и на запросы не ответил.

– Камеры «Цербера» его не видят?

– Видели до какого-то момента, потом он исчез. Причём после этого со дна поднялась какая-то муть и закрыла Бараний Рог так, что камеры комплекса до сих пор не видят ничего.

– Странно. Причина?

Сурмянов развёл руками.

- Причина неизвестна. Возможно, робот упал в донное отложение и поднял волну ила.
- А не опередили нас американцы?

– Если это сделали они, то их подводные аппараты обрели свойства невидимок. На борту «Борея» установлен хороший гидроакустический комплекс, он бы засёк подлодку либо беспилотник. Да и спутники провели дополнительный мониторинг квадрата и ничего не обнаружили. Американцы тут ни при чём.

– К тому же американцы в настоящее время заняты другими делами, – добавил Волгин. – Они подогнали к кромке льдов своё научно-исследовательское судно «Альянс», в сопровождении эсминца «Пенсильвания», и что-то изучают.

- Что?

– Предположительно подводную горную складку, уходящую к берегам Аляски. Это же судно недавно исследовало метангидратные отложения в море Бофорта. Кстати, примерно в том же районе замечена яхта «Шенглиже» китайского бизнесмена Хо Жиньбао.

- В Северном Ледовитом океане? – недоверчиво спросил Делягин. – Яхта?

– К слову, одна из самых больших в мире, её водоизмещение больше дедвейта нашего крейсера «Адмирал Кузнецов».

- С ума они сошли, китайцы?

– Не думаю, они тоже поняли, что надо идти на север, искать на дне океана древние сокровища.

- Так что такое Бараний Рог, по-вашему? – спросил Калинин.

Волгин посмотрел на директора научно-технического управления МО.

– Все вы знаете, чем закончился поход нашего подводного батискафа «Краб» подо льдами Антарктиды, в озере Восток, – сказал Делягин. – После общения с членами команды майора Вербова стало ясно, что подо льдами Арктики прячется ещё один древний артефакт, второй Буфер, так сказать, принадлежащий предположительно гиперборейской цивилизации. Но мы пока его не обнаружили, хотя послали туда две субмарины. Ну, вы это знаете.

В кабинете министра установилась короткая тишина.

Действительно, всем была памятна история с проникновением в подлёдное антарктическое озеро Восток российского подводного аппарата «Краб». Найденный на дне озера искусственный объект Купол, судя по всему, перестал существовать, а группе Вербова благодаря счастливым обстоятельствам удалось выбраться из озера на спасательном модуле древних антарктов, по сути – предков атлантов, и остатки этого модуля теперь изучали специалисты секретной лаборатории Министерства обороны.

- Может, мы не там ищем? – задумчиво проговорил министр.

Взгляды присутствующих скрестились на Волгине. Он в свою очередь посмотрел на Делягина.

- Виктор Фёдорович утверждает, что мы не ошиблись.

– Подтверждена истинность карты Меркатора, – веско сказал директор НТ-управления. – Найдены четыре подводных каньона непонятного генезиса и четыре поднятия как раз в тех местах, где на карте располагались материки Гипербореи. Мало изучен пока лишь её центральный бассейн, где по расчётам должна располагаться гора Меру, под которой мы рассчитывали найти Буфер. Но её подо льдами полюса нет.

– Магнитный полюс давно отодвинулся от географического, – сказал Тумановский, – он теперь находится между островами Королевы Елизаветы. Может, и центр Гипербореи не лежит точно под точкой географического полюса?

– Вероятнее всего. Во всяком случае, Бараний Рог располагается в ста десяти километрах от полюса.

- Так что такое этот Рог? – повторил вопрос Калинин.

– Для обсуждения этой проблемы я вас и собрал, товарищи генералы и адмиралы, – сказал Евтюх. – Изучение обломков антарктического модуля пока ничего особо полезного нам не принесло, это явно ракета, хотя и созданная на основе неизвестных технологий. Но если второй артефакт – Буфер – действительно находится в районе Северного полюса, надо сосредоточить на этом направлении все наши силы. Американцы это поняли, там теперь всё время крутятся их подлодки, появляются исследовательские корабли, и над всей Арктикой подвешена их спутниковая сеть.

– К Бараньему Рогу надо срочно отправлять лодку, – сказал Тумановский озабоченно. – Тот же «Грозный», укомплектовав его новым подводным аппаратом.

– «Краб-2» готов к испытаниям, – сказал Сурмянов.

– Нужно сформировать экипаж.

– Думаю, надо оставить прежний, с капитаном Лобановым. Они все проявили себя героями.

– А спецгруппу?

– Я бы никого не менял. – Главком повернул голову к директору ГРУ, добавил деликатно: – Если вы не возражаете, Мирон Андреевич. Майор Вербов тоже не сплеховал. Кстати, где он?

– Полковник Вербов на задании, – усмехнулся Волгин. – Вернётся через два-три дня. К моменту выхода лодки в море он будет готов принять командование группой.

– Я его видел однажды, – сказал Делягин с некоторым сомнением. – Рост средний, телосложение среднее... не впечатляет.

– Не Терминатор, – прищурился Сурмянов. – Это вы хотите сказать?

– Не судите по внешности, – сказал Волгин осуждающе. – Денис Вербов не только мастер боя на ножах, чемпион флота по унвабу¹ и дайвер, он – дремлющий тигр, и будить его обидчикам не рекомендуется. Человек он неконфликтный, однако если его доведут – грянет буря.

– Вам виднее, Мирон Андреевич. Я так полагаю, вы уже прикинули состав спецгруппы?

– Формируем, утрясаем. По согласованию с Константином Фёдоровичем в неё точно войдёт полковник Вершинина. Остальных подберём в скором времени.

– У меня есть кандидатура на место выбывшего профессора Дрёмова.

– Обсудим.

– Давайте для начала обсудим наши возможности и потенциал наших заокеанских друзей, – взял на себя управление совещанием министр. – Стратегия понятна, аналитики наших ведомств сообща разработают основной документ и будут консультироваться друг с другом в течение всей операции. Однако нам надо точно знать, с чем мы можем столкнуться в районе Северного Ледовитого океана. Вам слово, Константин Фёдорович.

– Мы провели тщательный анализ потенциала НАТО в Арктике, – начал Калинин, – и вот что получается. Ледоколов у этой структуры всего четыре, причём атомный – один, да и тот не выдерживает сравнения с нашими «Арктикой», «Ямалом», «Тюменью» и тем более последним «Бореем». К тому же у нас готовы к спуску на воду ещё четыре атомохода, да и дизельных на порядок больше. По подводному флоту мы уступаем американцам количественно, но в качестве и вооружении субмарин опережаем. Во всяком случае, перехватчиков типа «Грозного» у них нет и не скоро появятся, а у нас через год-два их будет пять. Подводных роботов-беспилотников у нас не меньше, хотя совсем недавно мы отставали в этом вопросе. О «Цирконах» не говорю, таких гиперзвуковых ракет нет ни у кого. Наш арктический спецназ вне конкуренции, несмотря на то что канадцы и американцы спохватились и начали создавать свой. Инфраструктура Заполярья успешно развивается. Надводный флот получил четыре эсминца

¹ Унваб – морской подводный бой.

типа «Лидер», не уступающих знаменитым американским суперэсминцам класса «Замволт», хотя их флот в количественном отношении и больше нашего.

– Через пять лет мы догоним их и по количеству, – проворчал Тумановский.

– Кое в чём они нас опережают, к примеру в создании надводных беспилотников «морской охотник» для поисков подводных лодок. Они небольшие, до сорока метров длиной и водоизмещением до ста пятидесяти тонн, сравнительно дешёвы, их можно изготавливать сотнями, и это скоро станет проблемой для нашего ВМФ.

Присутствующие посмотрели на главкома ВМФ.

– Знаем, готовимся.

– Но кое в чём мы существенно опережаем американцев и японцев, – продолжил Калинин, – особенно в создании гиперзвуковых подводных торпед, так что любая наша субмарина четвёртого поколения проекта 955А, не говоря уже о пятом поколении, способна уничтожить любой авианосец США вместе с его окружением.

– Не преувеличивайте, Константин Фёдорович, – улыбнувшись уголком губ, сказал Волгин. – Одной торпеды для потопления авианосца мало. Разве что с ядерным боезарядом.

– Я не преувеличиваю. – Калинин повернулся к министру. – Петрян Павлович может подтвердить.

– Продолжайте, – кивнул министр, сохраняя бесстрастное выражение лица.

– В чём мы пока отстаём, да и то не фатально, так это в производстве боевых дронов, способных пересечь океан. Но и в этом отношении мы скоро догоним США.

– «Орлан-20», – сказал Тумановский.

– Так точно, наши дроны «Орлан-10» и «20» уже летают над льдами Арктики. Ну, и по спутникам мы объективно отстаём, к сожалению, американская космическая группировка в пять раз мощней.

– Зато у них нет ни «Периметра», ни «Статуса-6»², ни «Рубежа», – с удовлетворением заметил замминистра.

– Мы готовы драться! – твёрдо сказал Волгин. – На всех уровнях! Не поднимать вой по каналам МИДа и СМИ, а отвечать ударом на удар! Хотя развязывать ядерную войну мы не собираемся.

– Это я и хотел услышать, – искривил губы в усмешке министр. – Я только что разговаривал с президентом, он даёт добро на жёсткие меры. Ну, конечно, не ведущие к непредсказуемым последствиям и конфликтам. Однако на провокации будем отвечать не колеблясь. Тем более что в Арктике не только сосредоточены колоссальные запасы полезных ископаемых, но и, как мы теперь знаем, кое-что посерьёзней.

– Технологии древней цивилизации, – закончил Делягин.

– В третий раз спрашиваю, – сказал директор ФСБ. – Бараний Рог действительно искусственный объект?

– С весьма большой вероятностью, – подтвердил Делягин.

– Так, может быть, это всё-таки пресловутый второй Буфер?

– Чего не знаю, того не знаю, но допускаю. Хотя мне самому не верится, что мы наткнулись на него при первом же погружении в точку установки «Цербера». Удивительный случай!

– Как известно, ничего случайного в нашей жизни не бывает, мы лишь выражаем этими словами степень нашей некомпетентности. Вполне возможно, что кто-то очень точно рассчитал маршрут ледокола и точку установки «Изделия 100».

– Что вы имеете в виду? – озадачился Делягин.

² Торпеды подводного комплекса «Статус-6» способны были преодолевать до десяти тысяч километров и нести боезаряд мощностью до ста мегатонн. Вместе с системой воздушно-космической обороны «Периметр» «Статус-6» обеспечивал полное уничтожение агрессора даже при поражении центров управления обороной России и гарантировал ответ на любую угрозу её существованию.

– Нужно проанализировать все факты и расчёты. Меня к тому же беспокоит молчание нашего робота. Плохо, если его повредили американские дроны.

– Но мы в этом районе никого не заметили, – нахмурился Тумановский.

– Допускаю, что и у них появились хорошо защищённые аппараты.

– У нас нет такой информации, – покачал головой Волгин.

– Дай-то бог, чтобы я ошибался.

Евтюх посмотрел на директора ГРУ.

– Сделайте всё возможное, Мирон Андреевич. Сколько нам понадобится времени на подготовку похода?

Волгин задумался.

– Со всеми утрясками и согласованиями... не меньше месяца.

– Две недели, генерал. Американцы сделают всё, чтобы опередить нас, и я боюсь, что они далеко продвинулись в своих планах, особенно в поисках арктических артефактов. Не зря мы постоянно обнаруживаем их субмарины подо льдами севера. Хорошо, если они ещё не нашли дорогу к Бараньему Рогу. А если нашли? Надо направить в тот квадрат нашу ближайшую лодку и приготовить на всякий случай авиагруппу.

– Слушаюсь! – в один голос ответили Волгин и Тумановский.

– Хотел бы я пойти с группой Вербова, – с мечтательной грустью сказал Делягин. – Да не по Сеньке шапка: воды боюсь... и морозов... и по здоровью не пройду.

По губам присутствующих промелькнули улыбки.

Глава 3

Эксперимент

Погода установилась, на удивление для капризного моря Бофорта, тёплая, безветренная, тихая, облака разошлись, и отвесная стена льдов, к которой судно подошло почти вплотную, лавируя между плавающими ледяными глыбами, засверкала в лучах низкого солнца как гигантский пласт фарфора, покрытый жемчужным бисером.

На верхнюю палубу корабля – это было исследовательское судно НАТО «Альянс» – высыпали матросы в тёмно-синих робах, меж которыми виднелись фигуры в чёрных парках – сотрудники экспериментальной группы Top secret, подчиняющейся профессору Дону Мергелю. Сам профессор, которого все звали просто – док (кроме помощника Мергеля японца Шикады), находился в этот момент в рубке «Альянса», попивая горячий кофе и глядя на палубу сквозь прозрачную полосу верхнего обзора.

В рубку заглянул старший помощник капитана судна Луиджи Болетти, канадец итальянского происхождения.

– Наши мальчики ждут приказа, док.

– Иду, – отозвался Мергель, допивая кофе и бросая пластмассовый стаканчик мимо корзины.

Через минуту он спустился на носовую палубу корабля, где вокруг необычного вида конструкции сустились матросы и операторы, готовившие к спуску на воду робота-ныряльщика Sea Fox-2.

Робот представлял собой два продолговатых бака жёлтого цвета, длиной в два с половиной метра, высотой в один и шириной чуть меньше метра, соединённые фермой, от которой отходил «хвост» – штанга с манипуляторами и колонками двигателей.

Обычно к «хвосту» цеплялась корзина для сбора образцов, захваченных манипуляторами на дне, но в данном случае корзину заменял специальный контейнер в форме фантастической лазерной пушки, которая и привлекала к себе внимание матросов.

Молодые парни развлекались, придумывая устройству всё новые и новые объяснения, однако никто из них не догадывался об истинном предназначении аппарата, а его операторы и техники, сопровождавшие груз, отмалчивались.

– Опускайте, – коротко приказал Мергель капитану судна Отто Скайлсу, появившемуся на палубе.

Капитан был осведомлён об эксперименте в общих чертах, но и он не имел понятия о принципах работы модуля, называемого самими разработчиками «испарителем».

Специальный кран опустил беспилотник с его грузом в воду. Отцепились захваты, поддерживающие корпус аппарата, и через минуту он скрылся в зеленоватой, покрытой ледяными глыбами и рябью мелких волн воде. Начала разматываться бобина оптоволоконного кабеля толщиной с человеческий волос, соединяющего аппарат с компьютером на борту корабля. Вслед за аппаратом ушёл под воду робот с телекамерой.

У капитана звякнула рация, вшитая в его морскую куртку. Он выслушал чей-то голос, подошёл к Мергелю, вглядывающемуся в море.

– Док, коллеги интересуются, всё ли у нас в порядке.

Мергель оглянулся на эсминец «Пенсильвания», дрейфующий за кормой «Альянса» в десяти кабельтовых.

– Передайте, работаем по плану. Пусть ведут визуальное наблюдение за ледяной стеной.

– Профессор, мониторы включились, – подошёл к Мергелю его помощник, узкоглазый смуглолицый японец Шикада. – Можно смотреть.

Начальник экспериментальной группы поднялся в отдельное помещение центральной надстройки корабля, заполненное разнообразной аппаратурой. Экраны мониторов связи с роботом светились, показывая пронизанную лучами прожекторов водную толщу.

Мергель снял парку: в помещении было тепло, пахло пластиком и озоном, – присел к одному из экранов. Но через четверть часа не выдержал, оторвался от созерцания безжизненных морских глубин, глотнул горячего чая, оделся и снова вышел на палубу, приказав Шикаде сообщить, когда Sea Fox подойдёт к цели. Аппарат должен был опуститься до глубины примерно в пятнадцать метров, то есть ниже дна ледяного поля, приблизиться к выступу во льду, грозящему в скором времени стать айсбергом, и включить под ним «испаритель». Если расчёты учёных, создавших этот прибор, были верны, результат эксперимента должны были не только зафиксировать видеокамеры, направленные на ледяную стену, но и увидеть воочию наблюдатели на двух кораблях.

На палубе «Альянса» собрались свободные от вахты матросы и члены экспедиции, почти два десятка человек, переговариваясь и разглядывая близкую «береговую линию» льдов, образующих арктический «материк». У многих в руках поблёскивали бинокли.

К Мергелю подошёл старпом судна.

– Принести стульчик, док?

– Не надо, – отказался руководитель экспедиции.

Он не любил ни канадцев, ни итальянцев, ни французов с немцами, не говоря уже о русских, и предпочитал с ними в беседы не вступать, держа дистанцию, даже если они лебезили перед ним.

Численность экипажа «Альянса» составляла всего двадцать семь человек, десять из них были офицерами, но лишь капитан Скайлс да его второй помощник Берни Джонс были американцами, остальные представляли собой международный сброд из европейцев и спесивых канадцев, считавших себя чуть ли не равными американцам. Это раздражало.

Позвонил Шикада:

– Профессор, мы на месте.

Мергель подавил поднявшееся в груди волнение.

– Не промахнитесь.

– Навёл лично.

– Приступайте.

Ничего не произошло. Во всяком случае, в первые мгновения включения «испарителя».

Ничего он на самом деле не испарял. В луче аппарата вода просто теряла плотность и вязкость и становилась своеобразной газожидкостной смесью сродни плазме, только низкотемпературной, и держать на себе прежде свободно плавающие тела она не могла.

– Смотрите, смотрите! – закричал кто-то тонким голоском.

В толпе зрителей раздались возгласы, удивлённые восклицания.

Мергель поднял к глазам бинокль.

Ближайший к «Альянсу» угол ледяного поля, возвышающийся над водой метров на пять, очерченный трещинами и высоким гребнем, начал вдруг осыпаться, куски льда и снежные струи с шумом обрушились в закипевшую воду. А затем гигантская глыба льда площадью в пару тысяч квадратных метров, отвалившись от общего спая льда, превратившаяся в айсберг, начала тонуть, плавно уходя под воду.

Хор криков ознаменовал это событие. Многие зрители зааплодировали.

Парящий, окутанный снежной короной айсберг быстро скрылся под водой, будто его кто-то утащил невидимыми щупальцами, на месте его погружения по воде расплылось пятно воздушных пузырьков, превратившее воду в бурлящий паровой котёл.

Но это было ещё не всё.

Спустя минуту, когда вода перестала кипеть, в ней протаяли белые блики, и на поверхность вырвались глыбы раздробленного при погружении айсберга.

Матросы закричали снова.

Мергель поймал взгляд капитана.

Оба понимали, что происходит. «Испаритель» перестал излучать особое поле, ослабляющее вязкость воды, и лёд начал всплывать, обретая былую плавучесть. Но если бы на месте айсберга находился корабль, он-то уже вряд ли смог бы всплыть.

Позвонил Шикада:

– Профессор, весь процесс зафиксирован, можем спокойно анализировать данные. Аппарат в норме.

– Сейчас подойду. – Мергель повернулся к Скайлсу. – Мне нужна связь с базой.

– Без проблем, док, здесь полно наших спутников, идёте в рубку. Будете вытаскивать свою пушку?

– Рано, посмотрим видеоматериал и отколем ещё кусок льда.

– Понял. – Капитан направился к толпе на палубе. – Разойдись, парни, концерт окончен, пора за работу.

Матросы начали нехотя расходиться.

Поднявшись в рубку, Мергель связался с Арлингтоном в штате Виргиния и доложил директору DARPA Томасу Лэйбру:

– Сэр, мы вступили в игру.

– Удачно? – спросил Лэйбр.

– Айсберг утонул.

– Установка цела?

– В рабочем состоянии. Нужен эксперимент на ином материале.

– Эсминец подойдёт?

Мергель собрал морщины на лбу.

– Вы... серьёзно?!

– Я пошутил, – рассмеялся директор организации, отвечающей за разработку новых технологий, используемых в военных целях. – Миль сто южнее пасётся китайская яхта «Шенглиже», испытайте «испаритель» на ней.

– Но там... люди...

– Китайцы, да и какая разница, Том?

Голос директора растаял в тишине.

Мергель отнял трубку от уха и посмотрел на неё как на скорпиона, готового ужалить.

Глава 4

Вербов

С утра на Монако пролился мелкий тёплый дождик, но уже к десяти часам распогодилось, солнце залило лучами припортовую площадь и улочки, сходящиеся к ней. Прохожих, в основном гостей города-княжества, стало больше. Магазинчики, пивные, кафе и бары вдоль набережной залива заполнили туристы.

Денис Вербов сидел в кафе «Монтэг» на Рю-Принсесс Каролин, знаменитой пешеходной улице с десятками бутиков и ресторанчиков, и поглядывал на мачты катеров и яхт в заливе, изредка бросая взгляд на двухэтажное здание, в котором располагалась ИААФ – Международная ассоциация легкоатлетических федераций, не забывая лениво потягивать через соломинку латте, делая вид, что любителю архитектурными красотами столицы Монако; с недавних пор ею стал административный и торгово-развлекательный центр княжества – Монте-Карло, в то время как несколько лет назад столицей считался старинный Монако-Вилль, где располагалась резиденция правителя города-государства, наследного князя Гримальди.

Времени у Дениса было не так уж и много, поэтому он за три дня постояльства в гостинице «Ле Роше» лишь пару часов выделил на осмотр города, полюбовался на дворец рода Гримальди, на кафедральный собор Святого Николая, капеллу милосердия да на пушки Людовика XIV на площади, остальное время потратил на тщательное изучение места действия.

В ухе у него прятался усик рации, а на внутреннюю поверхность очков поступали сообщения о действиях и расположении всех членов группы спецназа ГРУ, имевшей определённое задание и сосредоточившей внимание на здании ИААФ. Всего в группу входили восемь человек, все офицеры, владевшие, как и сам Вербов, многими европейскими языками и не раз выполнявшие аналогичные сложные задания за границей.

В нынешнее задание отряду Вербова входила ликвидация группы диверсантов Министерства обороны США, целью которой было провокационное нападение на Совет ИИАФ, чтобы впоследствии свалить это нападение на «русских боевиков», для чего группа должна была оставить в штаб-квартире ассоциации «неопровержимые» доказательства действий «киллеров» из России.

Корни же данного мероприятия уходили в прошлое, в две тысячи шестнадцатый год, когда американским специалистам из ЦРУ удалось довести до финала одну из кампаний развязанной против России гибридной войны, подчинив важные спортивные институты – Международный олимпийский комитет, Международный параолимпийский комитет, некоторые национальные федерации, ИААФ и ВАДА – Международную антидопинговую комиссию, в результате чего русские легкоатлеты и параолимпийцы не были допущены к соревнованиям Олимпиад, как летней, так и зимней две тысячи восемнадцатого года.

Руководствовались функционеры ВАДА пресловутым «докладом Макларена», так и не представившим реальные доказательства нарушений российских спортсменов. И хотя Макларен через год внезапно скончался от сердечного приступа, вслед за сбежавшим в США руководителем Российского антидопингового комитета Родченковым, бывший президент Международного параолимпийского комитета Филипп Крейвен утонул в бассейне очистных сооружений Брюсселя, а немецкий журналист Хайо Зеппельт, создавший «разоблачительный» пасквиль о «применении допинга всеми российскими спортсменами», разбился на мотоцикле, атака на «возомнивших себя свободными» русских на этом не закончилась. Спортсменов России продолжали гнобить, не допустили на многие международные соревнования, чемпионаты мира и Европы, а затем закулисные кукловоды замахнулись и на россий-

ский чемпионат мира по футболу две тысячи восемнадцатого года, и на зимнюю Олимпиаду в Корею, и на токийскую летнюю.

Россия реагировала, но вяло. Её либеральные спортивные чиновники не желали ссориться с европейцами и американцами, отговариваясь общими словами типа: «как им не стыдно?» и «они повели себя некорректно», вместо того чтобы давать жёсткий отпор на всех идеологических фронтах. Сменились руководители Российского олимпийского комитета и легкоатлетической федерации, министром спорта стал его бывший зам, а сам он вдруг возвысился до положения первого вице-премьера, явно поддерживаемый президентом страны.

Лишь после того как Россия перестала платить соответствующим международным структурам, в том числе ВАДА и МОК, ежегодные и немалые взносы, руководители этих организаций начали менять политику. Но истово ненавидящие Россию функционеры в их рядах не снизили градус агрессии, а американские спецслужбы пошли на крайние меры, ради продолжения смуты разработав провокационные операции с нападениями на штаб-квартиры международных спортивных институтов, в том числе – ИААФ. После этих операций готовился вброс в Интернет, на телевидение и во все СМИ мира сенсационного материала о «злой и непредсказуемости русских, с которыми невозможно строить „свободный демократический порядок“».

Вербов знал, что в данный момент такие же группы, какой командовал он, сидят в засаде в швейцарской Лозанне, у штаб-квартиры МОК, в Германии, в Бонне, у штаб-квартиры МПК и в Монреале, у штаб-квартиры ВАДА. Их целью было не допустить провокаций, а если удастся – вывести спецслужбы США на чистую воду и предотвратить усиление травли российских спортсменов.

И хотя президенты этих организаций, неистощимые на выдумки о «непорядочности русских», поддерживаемые и оплачиваемые американскими секретными фондами, продолжали клеветать на Россию, поливать её грязью и вести разнузданную грязную политику «сдерживания всеми средствами», российские спецслужбы не собирались устранять их физически, зная, что на смену им придут такие же ублюдки, а наоборот, решали задачи их охраны и защиты.

Сам Вербов склонялся к мнению, что всех функционеров международного спортивного движения, унизивших Россию, буквально растоптавших российских параолимпийцев, надо просто ликвидировать, без всяких сантиментов, однако начинать надо было не с них, а с заокеанских кукловодов из ЦРУ, АНБ и РУМО, ведущих с Россией многовариантную войну всеми доступными им способами, а если разобраться, то и с тех, кто на самом деле дёргал их за ниточки, используя в своих глобальных целях, – с деятелей «международного комитета внешнего управления» человеческой цивилизации.

– Клён, я Сосна, – заговорила рация голосом капитана Алексеева. – Отмечаю движение полиции. Их «мерин» только что покинул свой пост на Рю Лашез.

– Понял, Сосна, – ответил Вербов. – Снимаемся с места по «единичке». – Коснувшись пальцем браслета часов, он переключил диапазон связи. – Ухо, Глаз, обстановка внутри объекта?

– Советники поплелись в зал заседаний, начало в одиннадцать. Президент ещё не подъехал.

Совет ИААФ состоял из двадцати восьми членов, представлявших двадцать пять стран мира. Президентом уже второй срок был выбран англичанин Себастьян Коу, прославившийся ещё в две тысячи шестнадцатом году исключением российской легкоатлетической сборной из соревнований Олимпиады в Рио-де-Жанейро, старшим вице-президентом – швед Пьянквист, генсеком – француз Пьер Вайс, а также эксперты из Германии, Марокко, Канады, Японии, Польши и даже из Сенегала, однако россиян среди них не было. Зато британцев было трое, что подчёркивало силу антироссийского лобби в этой организации, по прошествии многих лет поддерживающей политику «вычёркивания России из международных институтов».

– Ухо, кто-нибудь в курсе, почему от здания с другой стороны отъехала машина полиции?

– Судя по переговорам местных полицейских, потребовалось усиление в районе Фонвьей, там в субботу запустят фестиваль фейерверков. У них вообще всей полиции кот наплакал – всего двести карабинеров на всё Монако.

– Следите за перемещениями членов Совета. Кто-то из них связан с американцами и может участвовать в операции.

– Есть, Клён.

– Роза, дай картинку фасада.

Майор Богушанская, игравшая роль богатой итальянки, наблюдала за входом в здание ИААФ, сидя за рулём припаркованного в переулке белого «Мазератти».

– Лови, Клён.

На очки слетело видеоизображение двухэтажного здания с полукруглым выступом главного входа на фасаде, украшенным колоннами, и табличкой на стене, под щитком с цифрой «2»: «International Amateur Athletic Federation».

Гуляющих по этой стороне улицы было мало, и гости княжества проходили мимо, лишь кинув взгляд на табличку. Их интересовали более консервативные архитектурные шедевры.

– Что за авто стоит справа от здания? – обнаружил синий «Роллс-Ройс» Вербов.

– Давно стоит, в кабине двое.

Вербов напрягся.

– Последите за ними.

– Следим: сидят, курят.

– Здесь нигде нельзя курить, даже в машине! Это явно не местные жители и не туристы, те знают местные законы. – Вербов вызвал ещё одного оперативника группы, капитана Тамоникова: – Камыш, выдвинись к Рю Лашез, поближе к белому «Роллс-Ройсу» с номером 377. Вполне вероятно, это пособники конкурентов.

– Выдвигаюсь, – пробасил Тамоников.

– От стоянки Брю Баррэ отъехал синий минивэн «Шкода» с затемнёнными стёклами, – доложил наблюдатель, использующий беспилотник размером с натуральную чайку. – Направляется к Рю Принсес.

– Где президент? – начал приводить себя в боевое состояние Вербов.

– Вышел из своей служебной машины на Рю Порто, идёт пешком в сопровождении какого-то старичка. Это метров триста от объекта.

– Внимание! Начинаем операцию! Дуб, Сосна, присоединяйтесь к Розе! Ветла – ко входу в объект. Верба – следуй за президентом, с него волос не должен упасть! Ухо – доложите о маневрах минивэна! Тополь – ко мне!

Рация донесла тихие ответы оперативников: «Есть!», «Пошёл!», «На месте!», «Принято!».

Вербов доел пирожок, называемый на местном наречии фугасом, с апельсином и орехами, допил кофе, положил под блюдечко десять евро – почти столько здесь стоил латтэ с пирожком, помахал рукой официанту и вышел на улицу.

К нему подошёл загорелый капитан Панин (Тополь), одетый в летний костюм с шортами по моде «лазурный берег»: всё белое, струящееся, пузырчатое, объёмное, – приподнял шляпу.

– Добрый день, сосед, – сказал он по-французски. – Как спалось?

– Отлично, сосед, – ответил Вербов тоже на французском; в отличие от Панина одет он был в тёмно-серое с жёлтым и олицетворял собой благодушного любителя пива и сосисок. – Идём знакомиться с господином Коу?

– Жажду познакомиться с этой сволочью, – хищно улыбнулся капитан. – С удовольствием выбил бы ему все зубы!

– Экий вы сегодня агрессивный, господин Лярош (под этим псевдонимом капитан и жил в Монако уже несколько дней). Коу себе не изменяет, надо отдать ему должное, как воевал с

нами, так и воюет. А ведь бывший спортсмен, медаль на московской Олимпиаде получил. О здоровье не забывает, каждый день пеший моцион совершает.

– Надо не отдавать ему должное, а забрать долг!

– Тут я с вами согласен, месье. Но уверен, недолго ему осталось лёгкой атлетикой заниматься.

– У меня вопрос, месье Филипп (это было псевдо Вербова для местных чиновников). Почему конкуренты просто не пристрелят господина Коу?

– Потому что у них более глобальная цель, – ответил Вербов убеждённо, пришедший к такому выводу всего несколько минут назад. – Амеры хотят одним ударом убрать Коу и повредить здание во время заседания Совета.

– То есть они гонят сюда смертника на заминированном авто?

– Я так думаю.

– Чесслово, я бы их не останавливал! У этого паршивого деятеля нет ни стыда, ни совести! Таких в детстве из рогатки убивать надо!

– Когда совести мало, её приходится экономить, вот Коу и претворяет в жизнь эту парадигму. Но ты не прав.

– Конечно, я не прав, я лев. – Панин расплылся в улыбке, оглядываясь на двух красивых блондинок. – А чем я не прав?

– Вреда от ликвидации Коу будет больше, причём не нам лично – России.

– Это я понимаю.

– Ухо, где минивэн?

– Остановился на углу Розен и Рю Принсесс, но из машины никто не выходит.

– Верба, где клиент?

– Подходит к штаб-квартире, – ответил капитан Шкаликов.

– Начали, благословясь! Роза – блокируешь минивэну выезд на Рю Принсесс!

– Готова.

– Камыш, блокируешь «Роллс-Ройс»? Возможно, эти парни собираются забрать своих после взрыва.

– Принял.

Вербов и Панин перешли и увидели выглядывающий из улочки, ведущей к порту, синий минивэн.

– Президент подходит к зданию! – доложил Шкаликов.

– Один из членов Совета вышел из холла на улицу, – доложил наблюдатель. – Кого-то ждёт, оглядывается, смотрит на часы.

– Кто?

– Поляк Мацеревич. В руках «дипломат».

– Ветла, он твой, обезвредь! Ждите команды!

– Принял, – ответил капитан Старцев.

– Глаз, нашли, кто координирует операцию конкурентов?

– Нет, Клён, – виновато ответил наблюдатель. – Думаю, у них тоже есть дрон, через него и идут команды.

– Попытайтесь найти «птичку» и уничтожить! Приготовьте «глушилку». Кедр, Ясень, помогите Камышу. Всем: не забудьте подкинуть доки!

Речь шла о заранее заготовленных документах, указывающих на принадлежность диверсантов к террористам запрещённой во всех странах мира организации ИГИЛ.

Ответом было общее «есть»!

Синий минивэн тронулся с места.

– «Глушилка»! – скомандовал Вербов.

Стоящий в сотне метров от места действия мотоциклист в форме полицейского включил устройство подавления радиосигнала, упрятанное в багажный контейнер байка. Мобильная связь в радиусе полукилометра теперь была заблокирована.

– Форсаж!

Из переулка в двух десятках метров вынеслась «Мазератти», управляемая Богушанской, перегородила дорогу минивэну. Шарахнулись прочь немногочисленные прохожие; становилось жарко, и гости города-государства начали расползаться по кафе и барам.

Минивэну не удалось избежать столкновения. Машины замерли.

Из «Мазератти» вышла пилотесса суперкара, одетая в шортики и полупрозрачную, вызывающе открытую блузку, подчёркивающую линии высокой груди. Она глянула на помятое крыло автомобиля, сморщив носик, и с негодованием обратилась по-итальянски к водителю «Шкоды», приопустившему окно и явно не знающему, что делать.

– Посмотрите, что вы наделали! Кто вас учил водить?! По этой улице нельзя ездить, вы знак не видите?!

Водитель опустил окошко, хотя вылезать не торопился: это был молодой парень с лицом славянского типа, украшенным соломенной бородкой и усиками, и шалыми светло-голубыми глазами.

Стал виден его сосед слева, тоже бородач, но потемнее. Он что-то проворчал водителю, повернув голову к девице, как бы нарочно выставившей грудь вперёд.

Это его погубило.

Со стороны пассажира вырос Вербов, рванул дверцу на себя и ударил пассажира в висок с такой силой, что голова бородача врезалась в плечо водителя.

«Славянин» удивлённо отшатнулся, поворачиваясь к нему, не осознавая, что происходит, и владелица «Мазератти» умело воткнула кулачок в ямку под ухом парня, вызывая паралич мышц шеи. Второй удар, в кадык, послал «славянина» в нокаут.

Панин в этот момент одним движением отодвинул скользящую дверцу салона машины, вскочил внутрь, но там никого не оказалось. Лишь на полу грудились какие-то коробки, опутанные проводами.

Капитан выскочил обратно, к нему присоединились ещё двое «случайных прохожих», в мгновение ока перетащили оглушённых боевиков, причём под курткой пассажира обнаружилась некая пластина, опоясывающая живот, с проводами и выпуклыми чашками. На место водителя сел Панин, «прохожие», разодетые по моде гомосексуалистов во что-то огненно-красное, рыжее, зелёное и голубое, заняли места в салоне.

– Гони! – рявкнул Вербов капитану по-английски.

Минивэн рванул назад, развернулся и помчался к порту.

Вербов растворился в толпе начавших сходиться к месту инцидента гостей города.

Всё это произошло в течение нескольких секунд, поэтому мало кто из прохожих и сидящих в открытых кафе посетителей понял, что случилось.

Девица перестала возмущённо потрясать кулачками, села в помятый «Мазератти» и уехала.

Внезапно обнаружил себя координатор провокационной операции, вычислить которого до этого момента наблюдателям Вербова не удавалось.

Уже после того как минивэн с опасным грузом выехал с перекрёстка, из бутика в старинном здании недалеко от здания ИААФ выскочили трое: господин в сером холщовом костюме и чёрной шляпе, с айфоном в руке, и двое парней в бело-зелёном, похожие друг на друга, как два яйца из-под одной курицы. Господин в сером тряс телефон, то поднося его к уху, то глядя на экранчик (связь не работала), затем что-то приказал спутникам, и те побежали к зданию легкоатлетической ассоциации.

– Сосна, Тополь, перехватите! – скомандовал Вербов, контролируя операционное пространство. – Ветла, ты где?

– Беседую с господином Мацеревичем. У него в «дипломате» целый арсенал и российские паспорта.

– Забери и уходи по варианту «альфа»!

– Выполняю.

Вербов сориентировался, вынырнул из толпы прохожих, особым приёмом взял господина в белом под локоть, так что тот не мог ни вырваться, ни вытащить оружие (у него под пиджаком нащупывалась подмышечная кобура), и повёл его, слабо упирающегося, к зданию бутика «Кензо», из которого он только что вышел. Бутик недавно открылся, и посетителей в нём было мало.

– Знаю, что имя ты не назовёшь, – заговорил Вербов по-английски, втиснув ошеломлённого таким поворотом событий мужчину между шкафчиком и витриной. – Назови хотя бы контору.

– Кто вы?! – просипел господин в сером, бледнея.

– Санта-Клаус, – ухмыльнулся Вербов. – Так что за контора? ЦРУ, АНБ, РУМО?

– Я вас не...

Вербов ловко вытащил пистолет из подмышечной кобуры незнакомца, глянул на гравировку, цокнул языком, спрятал в свой карман.

– Вы даже пушки российские заготовили, подонки! Значит, ЦРУ. Передай своим боссам: сегодня мы отпускаем вас живыми, в следующий раз не пожалеем! А понадобится, и боссов достанем! Андестенд?

– Н-но...

– Документы?

– Вы не имеете пра...

Вербов подождал, пока мимо пройдут посетители бутика, умело обыскал одежду мужчины левой рукой, достал красный российский паспорт.

– Кинияев Соломон Федулович. – Вербов невольно рассмеялся. – Бред! Видно, готовили вас настоящие знатоки русских фамилий. Интересно, как ты собирался скрыться из города с такой ксивой? Или не собирался?

Мужчина задёргался, и Вербов воткнул ему палец в горло, вышел на улицу не оглядываясь, зная, что противник ещё долго не сможет ни двигаться, ни говорить.

– Ветла?

– Клиенты успокоились, – доложил капитан. – Доки у нас.

– Вариант «альфа».

– Выполняем.

Вариант «альфа» предусматривал смену документов и физического облика: все члены группы были экипированы голографическими масками и трансформаторами фигур. После этого бойцы должны были самостоятельно добраться до близкого порта и сесть на борт яхты Eclipse, некогда принадлежавшей российскому олигарху Роману Абрамовичу. Она и в нынешние времена числилась за ним, но принадлежала уже российским спецслужбам.

– Дуб?

– Минивэн упал в воду, – доложил капитан Климчук (рыжий турист), – доки у нас.

– Всем «альфа»!

– Понял.

– Ухо, снять глушак!

– Есть!

– Сворачиваемся «шёпотом».

Вербов пересёк начавшую оживать после дождика портовую площадь Ла Кондамин и сел в ожидавший его катер, стоявший в конце очереди причалов для малых судов.

Откуда-то донеслись sireны полицейских машин. Но местные блюстители порядка уже не успевали к «раздаче сладкого».

* * *

В Москву Вербов прибыл через двое суток.

Группа благополучно пересела на борт яхты, которая тотчас же снялась с якоря и направилась к Ницце, располагавшейся в двадцати километрах от Монако. Там все разошлись, имея каждый свой маршрут отхода, а Вербов и Роза – Лида Богушанская улетели из аэропорта Ниццы в Россию под видом итальянских туристов.

Уже в аэропорту Домодедово стало известно, что в Интернете, сразу после событий в Монако, были выложены материалы о единовременной атаке «террористов ИГИЛ» на спортивные организации – ИААФ, МОК, МПК и ВАДА, закончившиеся практически безрезультатно из-за «эффективных действий спецслужб». Были ранены шесть человек, а убит лишь один – в Бонне, при штурме Международного параолимпийского комитета, да и то им оказался террорист – по версии СМИ, а именно – американский морской пехотинец, примкнувший к ИГИЛ.

Лида Богушанская, сочувствующая не допущенным к соревнованиям российским параолимпийцам, с досадой посетовала, что убитым не оказался новый президент МПК, такая же сволочь, что и предшественник, и Вербов с ней согласился. Хотя Денис плохо относился и к российским спортивным и околоспортивным властям, проявившим себя далеко не лучшим образом. Его мнение поддерживали и подчинённые в группе, тот же Панин обзывал чиновников «либералами самого низкого пошиба, засунувшими язык в ж...у, вместо того чтобы жёстко осудить зарубежных хамов от спорта и ответить ударом на удар». Капитан не зря ворчал, что кому на Руси жить хорошо, тому и за границей неплохо, а у российских спортивных функционеров у всех было рыльце в пушку, в том числе и у президента российского Олимпийского комитета, и у вице-преьера от спорта, и у руководителей антидопингового комитета: почти у всех дети учились и жили за границей, и у всех были за рубежом выстроены за немалые деньги особняки, ждущие «радеющих за Россию» хозяев.

Дома, в Павшино, Вербов оказался после обеда одиннадцатого июля. Тщательно смыл с себя грязь долгого пребывания в «болоте Европы», больше часа провёл в ванне, расслабленно вспоминая почти годичной давности события, в том числе – поход подо льды Антарктиды, где он и спутники – команда «Краба» – чудом остались в живых после взрыва Купола.

Спасательный модуль, созданный конструкторами Купола для эвакуации правителей Антарктиды-Атлантиды, смог пробить четырёхкилометровую толщу льда над озером Восток, но на большее его, к счастью, не хватило. К счастью – потому что он, скорее всего, был рассчитан на выход в космос, что означало верную гибель пассажиров. Однако модуль упал на лёд недалеко от станции «Восток», и группа Вербова уцелела.

Ему пришлось провести в Антарктике больше недели, пока за группой не прибыл спецмолёт из Москвы. Эксперты Минобороны России и ФСБ беседовали с каждым членом группы не один день, выясняя подробности похода и конфликта с американскими подводниками, а затем всех развезли по домам, заставив подписать меморандум о неразглашении государственной тайны.

По закрытым каналам спецслужб американцы попытались сначала раздобыть сведения на неофициальном уровне, а потом, когда им было отказано участвовать в исследовании артефакта древних антарктов, обвинили Россию во всех грехах, в том числе – в «нападении на исследовательский подводный аппарат „Мистик“ с целью захвата бесценных сокровищ древней расы». Что, впрочем, не стало неожиданностью для соответствующих российских ведомств,

научившихся воевать и на информационном поле. МИД России во всеуслышание объявил о подготовке американским министерством обороны операции по уничтожению российских кораблей и подводных лодок в приантарктических морях, а специалисты РАН ответили коллегам из других аналогичных институтов публикацией научных статей, содержащих больше сожалений о повреждении артефакта и всякого рода предположений, нежели научных открытий.

Чем закончилась научно-конспиративная полемика вокруг остатков модуля, впоследствии перевезённых в секретные лаборатории Министерства обороны, Вербов не знал. Его повысили в звании до полковника, и он продолжил свою службу в оперативном подразделении ГРУ под командованием полковника Зотова. Операция в Монако по обезвреживанию диверсионной группы ЦРУ была третьей на его счету за истекший год, и Денис был чрезвычайно доволен результатом, хотя иногда с сожалением думал, что не прочь был бы повторить поход в озеро Восток и поискать остатки Купола и других древних сооружений.

С Максимом Лобановым он перезванивался и терпеливо выслушивал обстоятельные рассказы приятеля о подводных походах и участии в экспедициях военно-прикладного характера. Максим и перед отлётом Вербова в Монако хвастался ему, что вскоре будет испытывать какой-то суперскафандр для подводных диверсантов, но где будет происходить эксперимент, не уточнил.

С Ингой Вершининой произошла странная перемена.

Денису ещё во время похода в озеро Восток показалось, что между ним и полковником ФСБ, кем она была, проскочила искра взаимного интереса. Женщина действительно ему понравилась, и он готов был ради неё пойти в огонь и в воду, образно выражаясь. Да и она явно выказывала признаки расположения к нему, не убоившись при расставании в Москве поцеловать его при всех. А потом словно отрезало!

Денис звонил, предлагал встретиться, звал к себе, но Инга так ни разу и не согласилась подъехать, отговариваясь занятостью и частыми командировками. Возможно, она и в самом деле была чрезвычайно занята, особенно после такого каскада открытий и краткого путешествия во времени – в прошлое, к моменту битвы Гипербореи и Антарктиды-Атлантиды, однако по ощущениям Дениса поведение женщины не укладывалось в прокрустово ложе простых объяснений типа «забыла», «не любила» или «это был курортный роман» (хотя смертельно опасное путешествие в глубинах подлёдного озера вряд ли можно было назвать курортным), и Вербов перестал ей звонить, с грустью вспомнив чьё-то юмористическое двустишие: «Мы были б идеальной парой, конечно, если б не она...»

В день своего возвращения из Европы он вышел из дома только один раз – в магазин, купить продуктов и молока для кофе; холодильник, естественно, был пуст. Связался и договорился о встрече с институтскими друзьями в ресторане «Пушкин» на Тверском бульваре, полистал купленные в аэропорту газеты, посмотрел новости по телевизору. А когда собрался лечь спать, позвонил Зотов:

– Не разбудил, полковник?

Вербов не сразу стряхнул с себя марево расслабленности.

– Да нет, Пётр Емельянович, читаю.

– Что читаешь?

Денис смутился.

– Не поверите... Дюма читаю, «Королеву Марго».

– Ну, не самое плохое чтиво, – хмыкнул Зотов. – Завтра утром ко мне, есть дело.

Вербов, собравшийся отоспаться, с трудом сохранил нейтральный тон.

– Снова за рубеж?

– На этот раз Арктика.

– Арктика?! – невольно удивился Вербов, хотя тут же вспомнил слова Дрёмова о втором Буфере, прячущемся подо льдами Арктики. – Неужели дошло до поисков Бу...

– Цыть, полковник! Подробности по прибытии. Спокойной ночи.

– Минутку! – взмолился Вербов. – Один вопрос: я один... вызван?

– А кто тебе ещё нужен?

– Ну... Макс Лобанов... в группе ещё были... люди.

– Она тоже предупреждена. – Зотов выключил связь.

Вербов подержал смартфон прижатым к уху, аккуратно положил его на стол и глубоко-мысленно произнёс:

– Ёлки-мotalки... откуда он знает, кого я имел в виду?

А потом снова нахлынули воспоминания, закончившиеся коготками сомнений, скребущими душу: и что мне делать, как вести себя при встрече? Кто-нибудь посоветует?

Смартфон не ответил.

Глава 5

Лобанов

Солнце светило так, что смотреть на западную часть горизонта можно было, только надев очки.

Море дышало спокойно, волны сверкали рыбьей чешуёй, и бескрайний морской простор, покрытый к северу ледяной шугой и обломками ледяных полей, действовал на всех успокаивающе, в том числе на Лобанова, собиравшегося спуститься под воду в новейшем подводном скафандре «Экзо», по уверениям разработчиков способном выдерживать давление шестикилометрового слоя воды.

Человек в этом скафандре, перетянутый двумя десятками шарниров-обручей, выглядел многосуставчатым роботом, созданным для съёмок очередного «Терминатора».

Скафандр поражал не только футуристическим обликом.

В него были встроены четыре двигателя мощностью в полтора киловатта каждый, питавших водомёты, позволявшие передвигаться под водой со скоростью до пяти узлов, два светодиодных фонаря, система снабжения кислородом и поглощения углекислого газа, манипуляторы, инструменты, датчики давления, и всем этим сложным хозяйством управлял компьютер, отзывающийся на звуковые команды пловца.

Весь костюм был собран из упрочнённого алюминия и весил около двухсот килограммов, на суше в нём передвигаться было невозможно, но конструкторы уверяли, что в жидкостной среде человек в нём будет чувствовать себя почти как рыба в воде. Лобанову предстояло выяснить это, нырнув в заполярное море.

Но в его задачу входило не только испытание поведения скафандра в водной среде на больших глубинах. Лобанов должен был проверить работоспособность подводного навигатора ИКВ-1 «Слухач», обеспечивающего навигацию и связь между группами водолазов на дальности до одного километра и глубине погружения до двухсот метров, а главное – установить на дне моря в определённой точке измерительный сонар-комплекс с притопленным буюм, представляющий собой элемент морского контура обнаружения подводных и надводных объектов, включающего гидроакустические антенны и датчики, аналогичные американской системе СОСУС³, которая была предназначена для обнаружения российских подводных лодок. Такая система, только уже намного совершенней, разворачивалась теперь и Министерством обороны России.

Исследовательское судно «Янтарь», формально принадлежащее Российскому географическому обществу, а на самом деле – Министерству обороны, заняло позицию в море Лаптевых, в точке с координатами: 79 градусов северной широты и 124 градуса восточной долготы, имея на борту всё необходимое для миссии Лобанова.

Место это было выбрано не случайно. Во-первых, в данном квадрате располагалась самая глубокая впадина моря Лаптевых⁴, а во-вторых, летом линия льдов отступала от берега на сотню километров, почти полностью освобождая море от ледяных полей, позволяя приблизиться к этому району даже обычным судам, не ледокольного типа.

«Янтарь» же имел усиленный корпус и мог не бояться льдин. На его борту кроме вертолёт и крана был установлен уникальный комплекс регистрации параметров океана, а также располагались два подводных аппарата – батискаф «Русь» и батиплав «Консул», способные опускаться до глубин в шесть километров и более. Один из них – «Консул» – должен был

³ SOSUS – Sound Surveillance System (гидроакустическая подводная система).

⁴ Глубина 3385 метров.

страховать водолаза в скафандре, на роль которого был выбран Максим Лобанов, имевший на счету больше полусотни погружений в глубины озёр и морей в разных аппаратах и водолазных костюмах.

Натянув специальное термоизолирующее и влагопоглощающее комбинезон-трико, Лобанов с помощью техников влез в нижнюю часть скафандра – в районе пояса костюм раскрылся на две половины, – и, следуя досконально изученным инструкциям и подсказкам помощников, загерметизировал скафандр. Включилась система регенерации костюма, на забрале шлема высветились цифры, характеризующие параметры среды: температуру, давление, газовый состав. В наушниках прорезался голос руководителя экспедиции профессора Бурмакова:

– Как состояние, пилот?

– Нормально, – отозвался Лобанов, чувствуя себя как в смирительной рубашке; спустя несколько минут он приноровился и перестал ощущать тесноту костюма.

– Оборудование?

– Работает... слышу вас хорошо.

– Попробуйте шевельнуться.

Лобанов послушно приподнял руки, присел, с трудом выпрямился.

– Тяжеловато...

– В воде будет легче, да и сервомоторы помогут вам двигаться, включите систему при погружении.

– Понял.

– Начинаем спуск авангарда и контейнер с «изделием 77». – Под «авангардом» Бурмаков имел в виду аппарат «Консул», а под «изделием 77» – контейнер с аппаратурой гидроакустического обнаружения и прикреплённый к нему футляр навигатора.

– Если хотите, можете разгерметизироваться и подышать свежим воздухом, – добавил Бурмаков. – Спуск займёт минут десять.

– Не надо, хочу привыкнуть к внутренним звукам и запахам.

– Вы чувствуете запах? – встревожился руководитель экспедиции.

– Резина... пластик...

– Это уплотнители, ничего страшного, – расслабился профессор.

Погружение «Консула» и трёхметрового контейнера в воду прошло в штатном режиме. Через пятнадцать минут начали опускать «робота» Лобанова.

Вода сомкнулась над головой прозрачной зеленоватой вуалью, стемнело, но спустя секунду включились фонари, и водную толщу прорезали столбы света, уходя в глухую мутноватую фиолетовую бездну. Метрах в двадцати под водолазом мигнул встречный конус света – «Консул» включил свой прожектор.

– Вас видят, – сообщил Бурмаков, сидя в операционном отсеке судна перед мониторами связи и контроля. – Не забудьте о проверке функционирования.

– Уже провожу, – сказал Максим, чувствуя, что двигаться стало намного легче. – Можете опускаться дальше.

Свет над головой окончательно погас. Скафандр плавно пошёл вниз, в глубины морских вод, вслед за погружающимся батиплавом.

Первую остановку руководители эксперимента сделали на глубине в сорок метров.

Лобанов с помощью компьютера, отзывающегося на ник Нептун, провёл ещё один контроль функционирования систем скафандра, доложил наверх:

– Всё в порядке, только жарковато.

– Не обращайтесь внимания, – успокоили его. – На глубине сто метров температура упадёт до нуля, система отопления рассчитана на эту ситуацию. Что-нибудь видите?

– Ничего, – лаконично ответил Лобанов.

Действительно, в свете фонарей лишь изредка вспыхивали бисеринки каких-то крошечных созданий, не то медуз, не то водорослей, но рыба в воде приполярных морей на таких глубинах, на широте в семьдесят градусов, практически не водилась.

Плотность воды по мере погружения увеличивалась, каждые десять метров добавляя к давлению на погружающееся тело около одной атмосферы, но скафандр, разработанный в конструкторском бюро предприятия «Севморгео» по заказу ГУГИ – Главного управления глубоководных исследований Министерства обороны, пока отлично справлялся с ростом давления и не мешал водолазу шевелить конечностями. Вес его в воде почти не ощущался.

На глубине в двести метров Лобанов снова завис.

– Навигатор, – напомнил Бурмаков.

Максим поднял левую руку, на локте которой крепился футляр ИКВ. Касание пальцем манипулятора оживило прибор. На его экране появились цифры: координаты местонахождения, мигающие звёздочки режимов. На земле прибор весил семь килограммов, но в воде он казался легче пушинки.

– Работает, – сообщил он.

– Сигнал пойман, – ответили ему. – Отцепляйте, мы его фиксируем.

Лобанов нажал кнопку с цифрой «1».

Булькнуло. Корпус прибора разрезала щель, из неё вылез воздушный пузырь, Лобанов отцепил скобу крепления, и навигатор поплыл вверх, мигая красным фотодиодом.

– Послал.

– Теперь он наша забота.

Снова началось погружение.

У Лобанова зачесался нос, он чихнул.

– Что такое?! – тотчас же отреагировал Бурмаков, прислушивающийся к звукам, издаваемым водолазом.

– Нос чешется... под шлемом нет какой-нибудь загогулины – почесать?

– К сожалению, не подумали, – сокрушённо проговорил руководитель экспедиции. – Учтём при доработке, терпите.

Тьма вокруг сгустилась окончательно, подчёркиваемая идущим снизу зеленоватым сиянием прожектора «Консула».

На глубине в полкилометра движение прекратилось.

– До складки на дне около полусотни метров, – предупредил Бурмаков. – Что-нибудь видите?

– Нет, только прожектор батискафа.

– Скальный подъём, ограничивающий впадину, представляет собой, скорее всего, край вулканического конуса, он где-то рядом. Мы поищем своими локаторами, а потом «Янтарь» отработает моторами пару сотен метров, не пугайтесь, когда начнёт сносить.

Речь шла о том, что водолаз был связан с кораблём пуповиной троса и оптоволоконным кабелем, и стоило судну тронуться с места, оно потянуло бы за собой и скафандр.

– Я понял.

Ждать пришлось четверть часа.

Становилось душно. Нижняя часть забрала шлема начала запотевать. Но жаловаться Лобанов не стал, опасаясь, что его начнут поднимать и задание он не выполнит.

Захотелось пить. И хотя под губой из шлема торчала соска, подающая воду, Максим пить не стал, опять-таки опасаясь, что следящий за его действиями компьютер пошлёт навстречу предупреждающий сигнал.

Повело боком: двигатели «Янтара» привели его в движение. Через несколько минут луч фонаря отразился от какой-то желтоватой туманной массы справа.

– Вижу дно! – восторженно воскликнул Лобанов.

- Мы останавливаемся, вам придётся определить место установки самостоятельно.
- Пусть «Консул» высветит край кратера.

Через минуту свечение прожектора батиплава усилилось, туманная полоса перед водолазом стала ярче, приблизилась, распадаясь на цепь бугров и скруглённых илом валов.

- Ещё метров двадцать, – попросил Лобанов.

Его послушно перенесли к гребню кратера.

Зубчатые края кратерной скобы просматривались плохо, и Лобанов включил двигательную установку. Заурчали пропеллеры в кольцевых тубусах, толкая водолаза вперёд.

Испещрённый тенями склон кратера стал виден почти во всех деталях, и Лобанов подумал, что когда-то, тысячи лет назад, дно моря представляло собой часть суши. А где-то севернее прятался под водой и материк Гиперборея.

- Вижу ровную площадку.
- Ищите контейнер, мы его опустим.

Связи с батиплавом у Лобанова не было, и он не мог подсказать подводникам, чтобы они пошарили по дну лучом прожектора, но они сами догадались сделать это.

Луч света мазнул по фигуре водолаза, осветил толщу воды вокруг, и Лобанов заметил сверкнувший металлом корпуса контейнер «Слухача».

- Вижу! Его надо передвинуть метров на тридцать западнее.
- Сейчас переедем.

Водолаза плавно понесло в указанном направлении вместе с контейнером.

- Стоп! Опускайте.

Контейнер, поддерживаемый поблёскивающей в свете прожекторов струной троса, пошёл вниз, лёг на плоский выступ между двух каменных зубцов, подняв небольшую волну мути. Струна троса беззвучно пошла вверх, исчезла. На корпусе «Слухача» сверкнул огонёк.

- Нормально стоит, – с облегчением сообщил Лобанов.
- Выпускаем буй.

В крышке контейнера возникла дыра, из которой вылетел продолговатый красный язычок, развернулся четырьмя лепестками и поплыл вверх.

- Вижу буй.
- Отлично! Теперь мы уже сами. Благодарю за работу.
- Не за что, я лишь сопровождаю груз.
- Готовы к дальнейшему погружению? Вы уже второй час под водой, больше трёх часов находиться в костюме не рекомендуется.

- Поехали.

– Предупредите, если почувствуете себя плохо. Нам придётся вернуться к жёлобу с нужной глубиной.

- Без проблем.

Что-то неясное вдруг всплыло из темноты за скалами, спускающимися в бездну кратерного конуса.

- Подождите! – отреагировал Максим.
- Что случилось?! – всполошился Бурмаков.
- Я что-то вижу...

Движение в сторону замедлилось.

- Может, это батискаф?

Расплывчатая тень между зубцами скал сформировалась в странное треугольное тело, похожее очертаниями на гигантского ската, легко скользнула к установленному на скале контейнеру. У Лобанова ёкнуло сердце. Он узнал тень: точно такие же «скаты» охраняли Купол на дне озера Восток!

Голос сел.

– Вижу фагоцитолу...

– Кого?!

– Неопознанный подводный объект, – поправился Лобанов, – в форме морской манти.

– Не может быть! Манти на такой глубине и в северных водах не живут!

– Это не манта... я уже видел таких существ в Антарктиде. Это роботы для обслуживания Буфера, контроля среды и охраны Купола...

Наверху замолчали.

Лобанов прикусил язык, вдруг подумав, что Бурмаков может и не знать подробностей похода «Краба» в недра озера.

Скат скользнул к «Слухачу», грациозно обогнул его, словно приюхиваясь к незнакомому предмету, тронул тросик, уходящий к всплывшему бую.

– Чёрт! Он порвёт трос!

– «Консул» поднимается к вам, – сообщил наконец руководитель экспедиции. – Ничего не предпринимайте.

– Я и не могу ничего предпринять, из оружия у меня только тесак. Разве что пырнуть эту тварь?

– Ждите.

Из тёмных глубин котловины вырвался расплывчатый конус света, за ним поднялась округлая туша батиплава.

Скат перестал «обнюхивать» контейнер гидроакустического комплекса и тросик бую, взлетел над скалами, метнулся к водолазу, замер перед ним, шевеля синусоидами плавников. На Лобанова глянул ряд выпуклых «глазков» на головном выступе существа.

Он осторожно вытянул к нему манипуляторы.

Скат отодвинулся и в мгновение ока исчез, растворился в темноте.

– «Консул» ничего не видит, – объявил Бурмаков.

Лобанов выдохнул застрявший в лёгких воздух.

– Он уплыл...

– Вы точно его видели? – с недоверием спросил Бурмаков.

– Я даже успел его сфотографировать.

– Ага, это хорошо... но это точно манта? Вы не ошиблись?

– Я же говорю – это фагоцитола, робот обслуживания Купола в Антарктиде, мы не раз встречали таких в озере.

– Впервые слышу... ждём вас на борту.

– Нет уж, я ещё не до конца выполнил задание. Опускайте меня в кратер, на всю глубину, скафандр держит давление хорошо, мешает только запотевание шлема.

– С этим мы разберёмся. Но если вы не возражаете...

– Не возражаю, опускайте.

Через минуту скольжение в бездну возобновилось.

Туша «Консула» на сей раз находилась рядом, буквально в десятке метров, и это успокаивало.

Через полчаса Лобанов достиг дна.

Ничего особенного он не увидел. Компьютер деловито высвечивал на шлем данные о состоянии среды, системы скафандра вели себя в соответствии с функциональным назначением, Лобанов проверил маневренность костюма и его возможности брать образцы и закручивать гайки, дал сигнал к подъёму.

Скат-фагоцитола больше не показывался, хотя сомнений в том, что дно моря Лаптевых обжито роботами древних жителей затонувшего материка, у Лобанова не было.

На борту его ждал сюрприз.

Когда матросы и техники, вынудив его из скафандра, взмокшего от пота, поубавили восторга по поводу успешного окончания испытаний, к нему подошёл раскрасневшийся, плотно сбитый, с короткой бородкой профессор Бурмаков и сказал, отведя в сторону:

– Вас требуют отправить на материк.

– Как это – отправить на материк? – удивился разгорячённый Лобанов, не ощущавший холодного ветра: температура в районе корабля не превышала минус пяти градусов.

– Бортовой вертолёт доставит вас на остров Большевик⁵, откуда пограничники переправят вас в Мурманск.

– На базу Видяево? – предположил Лобанов.

– Этого я не знаю.

– Что за спешка? – задал последний вопрос Лобанов, уже зная ответ: он понадобился командованию флота как подводник, принимавший участие в антарктическом походе. А это в свою очередь означало, что его ждёт новый поход.

– Собирайтесь, – сказал Бурмаков. – Я доложил о вашем подвиге кому следует.

Но Лобанов его уже не слышал...

⁵ Большевик – второй по величине остров архипелага Северная Земля.

Глава 6

Пентагон

После встречи с президентом в Овальном кабинете Белого дома министр обороны Джеймс Уилсон вернулся в Пентагон в мрачном настроении. Ему было высказано много претензий, особенно в связи с проигранной русским кампанией в Антарктиде, и Уилсон жаждал наверстать упущенное, наказать виновных в срыве экспедиции к озеру Восток, а главное – отомстить зарвавшимся наследникам Советского Союза и вернуть армии и флоту США былую славу.

После обеда одиннадцатого июля он собрал в своём хайтековском кабинете в недрах Пентагона тех, от кого зависел исход нового «крестового» похода за славой: командующего разведкой Министерства обороны Уильяма Перетту, командующего Северным флотом Герби-гера, директора ДАРПА Томаса Лэйбра, начальника отдела стратегической географии РУМО Чака Картера и своего зама Элиота Фиксдера. Обещал подъехать сенатор Комитета по безопасности конгресса Бруно Хейгел, но его можно было не ждать, сенатор не отличался ни умом, ни сообразительностью, ни тактом, являя собой типичный образчик янки-«ястреба», готового объявить России войну в любой момент.

Приглашённые вели себя вальяжно, шутили, и раздражённый Уилсон резко оборвал заместителя, начавшего рассказывать веселый случай из жизни спортсменов, как израильские альпинисты успешно обошли Эверест.

– Мы уже обожглись на спортсменах, – сказал министр, кривя смуглое, гладкобритое лицо, покосился на смущённого Перетту. – Русские преподали нам хороший урок, нейтрализовав сразу четыре команды, нацеленные на ликвидацию спортивных функционеров.

– Не нам, – робко запротестовал Перетта, – операцией занимались парни ЦРУ.

– Слава аллаху, что ваших парней там не было! Позор на весь мир!

– Мы должны отомстить, – угрюмо бросил Томас Лэйбр. – Своими средствами, не под-ключая ЦРУ.

– Президент дал нам карт-бланш, но без ЦРУ не обойтись. Хотя мы об этом ещё погово-рим. Адмирал, чем мы располагаем в Арктике?

– Весь флот включает в себя... – начал командующий Северным флотом.

– Не надо перечислять все корабли флота, я и так знаю, чем вы командуете. Кто сейчас на дежурстве?

– В штатном режиме в океане сейчас находятся четыре эсминца, поисковые корабли «Альянс» и «Марджата» и три субмарины.

– Плюс спутники, плюс беспилотники, – добавил воспрянувший духом Лэйбр. – Группа дока Мергеля на «Альянсе» сканирует дно океана со стороны Чукотского моря, «Марджата» мониторит северный район со стороны Гренландии.

– А Евро-Азиатская котловина?

Перетта и Гербигер переглянулись.

– Это зона интересов русских, – осторожно сказал командующий флотом.

По лицу министра пошли красные пятна, но он сдержался.

– Не существует ни одного района мира, которые не представляли бы для нас интереса! Запомните, адмирал! Русские щёлкнули нас по носу в Антарктиде, и мы должны, просто обя-заны не упустить Арктику! Есть новые данные о поисках артефактов под Северным полюсом?

– Боюсь, новости неутешительные, сэр, – признался Перетта. – Уже почти год наши субмарины ползают по дну океана подо льдами, однако ничего похожего на второй Купол не нашли. Впрочем, насколько мне известно, и русские не преуспели в этом деле.

– Меня раздражают эти ваши ссылки на русских, Уильям! У вас они всегда и во всём виноваты! Сами же мы не ошибаемся, не так ли? Допускаю, что и они потерпели неудачу, но ведь остатки модуля древней антарктической цивилизации у них? Не у нас? Что вы сделали, чтобы наши парни подсмотрели, чем занимаются русские?

Перетта неопределённо пожал плечами.

– Мы делаем всё возможное... к тому же к делу подключились ЦРУ и разведка Госдепа, с них и надо спрашивать.

– Я знаю, с кого надо спрашивать! Наше разведуправление тоже должно было вступить в игру. Русские не только догнали нас на море и на суше, но и опережают! Чего стоит их «подводный охотник», «ужас глубин», проявивший себя в Антарктиде! Их батиплавы ни в чём не уступают нашим! Их атомные эсминцы класса «Лидер» не хуже наших «Замволтов» и намного дешевле при этом, а по вооружению превосходят даже крейсера! Российские технологии радиолокационной борьбы вообще вне конкуренции, недаром они признаны лучшими в мире! Почему мы это допустили?!

Взгляд Уилсона упал на директора Агентства военных технологий.

– Где ответ на их «Периметр» и «Статус-6»? Почему их истребитель «Ураган» оказался лучше наших «Хищников»?! Почему их «Белый лебедь»⁶ стал неуязвим?! Я уже не говорю о новом комплексе дальней авиации русских ПАК ДА, готовый подняться в воздух! Это вообще кошмар для зенитно-ракетных систем! А их суперракеты «Циркон», летящие со сверхзвуковой скоростью в семь махов?! Почему у нас нет ничего подобного?!

– Зато у них нет авианосцев и «морских охотников», – проворчал командующий флотом.

– Слава аллаху, что хотя бы в этом мы их опережаем!

– Мы работаем, – промямлил Лэйбр. – Подводные ракето-торпеды есть и у нас, многие субмарины класса «Вирджиния» уже получили эти комплексы. Зато у нас скоро на вооружении появится «испаритель», а такого оружия, смею вас заверить, способного потопить любой корабль без всяких ракет и торпед за считанные минуты, нет ни у кого.

Министр слегка расслабился, злобно изогнутые губы расправились.

– Этого мало, нужны другие решения, и во что бы то ни стало надо опередить русских в Арктике! Несмотря на их субмарины и ледоколы. Кстати, что делает возле Северного полюса их ледокол «Борей»? Есть данные?

– По косвенным сведениям, исследовательская группа на борту «Борея», – сказал Перетта, – изучает рельеф дна, то есть, по сути, ищет уцелевшие остатки Гипербореи. Не так ли, Чак?

– Судя по его маршруту, – заговорил Картер, – он и в самом деле сканирует дно океана в поисках затонувших материков, следуя карте Меркатора. По докладом полярников можно понять, что они нашли каньоны, некогда разделявшие части материка Гипербореи.

– Спутник заметил, что русские опустили в воду с борта ледокола какой-то объект, – добавил Перетта. – Но потом они включили глушение, и спутник ослеп. Что именно они опустили, пока неизвестно.

– Может быть, стратегический комплекс «Статус-6»? – предположил Гербигер.

– Всё может стать.

– Так выясните, Билл! – снова взорвался министр. – Если не хватает собственных ресурсов, свяжитесь с Фрэнком! – Уилсон имел в виду директора ЦРУ Фрэнка Баума.

Лицо Перетты стало кислым. Все знали, что он не любил технократа Баума, пришедшего в разведку из Носсемского технологического института, где разрабатывал стратегию психозомбирования крупных человеческих коллективов. Впрочем, Баума недолюбливали все присут-

⁶ «Ураган» – истребитель пятого поколения «Т-50». «Белый лебедь» – российский бомбардировщик «Ту-160».

ствующие – за его откровенно презрительное отношение к военным. Зато и радовались, когда главное ведомство разведки и диверсий США терпело очередную неудачу.

– Хорошо, мы свяжемся, – неопределённо пообещал Перетта.

– Кроме того, Элиот, – резко повернулся Уилсон к заместителю, – почему вы не докладываете об успехах наших десантников в Арктике? Или и тут мы отстаём?

Фиксдер сделал квадратное лицо, хотя и без того всегда походил на оживающий время от времени холодильник.

– Русские действительно опередили нас, создав бригаду прибрежного спецназа и регулярно проводя учения, в том числе – на севере, в Заполярье и на островах. Мы лишь недавно передислоцировали на Аляску и в Гренландию группировки морской пехоты. К тому же они за последние десять лет успели создать военную инфраструктуру на берегах северных морей, оборудовав пограничные заставы и построив новые аэродромы. Но мы тут же взяли эти объекты под прицел «Томагавков», а наши эсминцы с системами «Иджис» не дадут их флоту вернуться в случае какого-либо конфликта.

– Рад слышать, хотя это меня не сильно успокаивает. – Уилсон подумал и добавил: – И президента. Наши интересы должны быть надёжно и жёстко, подчёркиваю – предельно жёстко! – соблюдены! Арктика, со всеми её богатствами, должна принадлежать Штатам!

– Но на Арктику претендуют и канадцы, и норвежцы, и эскимосы, – заметил Фиксдер. – Даже китайцы запустили в северные моря свои подлодки и корабли.

– Яхта их миллиардера Хо Жиньбао замечена в Восточно-Сибирском море, – усмехнулся Перетта.

– Что она там делает, выяснили? – спросил Уилсон.

– По нашим каналам – ничего криминального. Этот Хо оригинал, увлекается дайвингом, заказал японцам особый водолазный костюм, в котором не раз спускался в кратеры подводных вулканов.

– Так, может быть, он тоже ищет артефакты?

Перетта виновато потянул себя за прядь волос.

– У нас нет никаких конкретных сведений, сэр. Китайцы – мастера скрытности.

– Выясняйте, чёрт побери! Чем занимается наша резидентура в Пекине?

– В Пекине нет нашей резидентуры, – нервно заикнулся Фиксдер. – Мы работаем в приморских городах...

– В Пекине работают коллеги из ЦРУ, – сказал Перетта.

– Тем более установите с ними контакт! Думаю, им тоже будет интересно узнать, чем занимается господин Хо Жинь... э-э... бао в северных морях.

– Слушаюсь, господин министр!

– Итак, давайте ещё раз обсудим стратегически важные пункты наших планов. Первое: поиск артефактов. Усилить группировку субмарин под льдами Арктики, дать им ориентировку – что именно мы ищем – в связи с находками в Антарктиде. Второе: направить туда же авианосец «Трампа» вместе с соответствующим сопровождением из эсминцев и вспомогательных кораблей.

– «Трампа» не подойдёт близко к полюсу, – покачал головой адмирал Гербигер.

– Освободить один из наших ледоколов от обычной работы и послать для проводки «Трампа» через льды.

– Слушаюсь!

– Третье: во что бы то ни стало опередить русских по всем направлениям наших интересов! Вплоть до военных провокаций! Надо потеснить их с просторов Арктики!

– Они ответят, Джеймс, – криво усмехнулся Фиксдер.

– Вряд ли они полезут в открытую драку, кишка тонка, их соплежующие политики всегда запускали страшилки о «глобальной ядерной катастрофе», так как знают, что в этой войне они не победят. А у нас есть что им предъявить помимо ядерных боеприпасов. Не так ли, Том?

– Новые «Рельсотроны», – расплылся в улыбке директор ДАРПА. – Боевые лазеры на эсминцах, дроны класса «Х-37», разведпокемоны, ударные беспилотники, а теперь ещё и «испаритель».

– Великолепно! – оттаял министр. – Все эти изделия – в дело! Север – н а ш а зона интересов, и мы его никому не уступим! Вы ещё сомневаетесь, Элиот?

«Боевые роботы русских не хуже наших», – хотел остудить восторги министра Фиксдер, но передумал.

– Америка превыше всего! – с пафосом сказал он.

Присутствующие зааплодировали.

Уилсон улыбнулся.

– Рад вашей уверенности. А теперь, господа генералы и адмиралы, давайте обсудим состав экспедиции на нашей новейшей субмарине «Нордоушен». Кстати, батиплав взамен потерянного «Мистика» готов?

– Так точно, сэр, – доложил Гербигер. – Передислокация «Мистика-2» на базу в Гренландии прошла успешно. Туда же скоро подойдёт субмарина.

– Итак, господа, какие будут предложения?

Перетта раскрыл планшетник. Список команды «Мистика» составлял он.

Глава 7

Потомки

Они встретились в шесть часов утра на берегу речушки Потешки, впадающей в Москву-реку на северо-западе, как самые обычные рыбаки. Оба с удочками, в длинных резиновых сапогах выше колен, в рыбацких штанах и куртках под брезент, оба в шляпах цвета хаки. Поздоровались, обменялись шутками насчёт хорошей погоды, располагающей к рыбалке. Действительно, утро начиналось тихое, росистое, тёплое, над заводью в окружении кустарника, ив и берёзок стелился лёгкий туман, и душа отдыхала в благостном покое, откинув всю мирскую суету.

Сели в заранее приготовленную резиновую лодку, её хозяин поработал вёслами, вывел уютное судёнышко на середину заводи, миновав заросли лилий и кувшинок. Не спеша разобрали снасти, закинули удочки.

– Завтра православный праздник, – сказал спутник хозяина, моложавый, но с заметной сединой на висках, кряжистый.

Он имел в виду День святых апостолов Петра и Павла, справляемый верующими двенадцатого июля.

Лицо у него было тяжеловатое, с резкими складками, прозрачно-серые глаза смотрели из-под густых бровей оценивающе, и весь его облик говорил о том, что этот человек привык командовать людьми.

Впрочем, он и в самом деле имел в подчинении немалый коллектив, так как являлся заместителем директора ФСБ, начальником Управления кибернетической безопасности. Звали его Василием Евгеньевичем Нетеряевым.

Его собеседником был Георгий Митрофанович Чисык, заместитель директора Научно-технического центра ГРУ, старше самого Василия Евгеньевича на двадцать с лишним лет. Хотя выглядел он, несмотря на солидный возраст – за семьдесят, далеко не стариком. Правда, голова его потеряла часть волос на лбу, поэтому остаток волос он стриг так коротко, что они были почти не видны.

– Ты же знаешь, я не справляю праздники, – проворчал Георгий Митрофанович, – ни православные, ни какие-нибудь другие. Православие хоть и сохранило обряды и традиции, но тягу к свету не возродило, поклоняясь мёртвому нерусскому богу.

Нетеряев кивнул. Религиозные обряды и для него не имели особого значения, так как верил он в других богов, выразителей древнерусских обычаев, оклеветанных и забытых носителями иных верований, жестоко подавлявших инакомыслящих.

Но самое главное – оба считали себя потомками древней расы гиперборейцев и принадлежали к касте Знающих Союза Возрождения Ирия, целью которого было, по сути, возрождение Гипербореи-Руси-России в её былом могуществе и праведности.

Поплавки задёргались. Начался клёв. Чисык первым подсёк толстолобика, пошлёпал его по боку, опустил в сетку, притопленную в воде. За ним поймал свою рыбину – карася – и Нетеряев.

– Не рано ли мы разгерметизировали информацию о Прародине? – спросил Чисык.

– Может быть, и рановато, – согласился Василий Евгеньевич. – Но время не стоит на месте, да и соискателей древних истин и сокровищ развелось как тараканов. Скоро всё откроется, особенно после событий в Антарктиде.

– Жаль, Виктора Степановича с нами нет.

– Очень жаль, я его сильно уважал, хороший был человек. Не понимаю, как ему удалось остановить хроноинверсию.

– Я присутствовал при обсуждении похода Вербова и Вершининой. По их заверениям, они свалились в прошлое, но благодаря Дрёмову смогли вернуться. А он остался...

– Давайте не будем тратить время на славословие, Георгий Митрофанович, мы об этом уже говорили. К сожалению, картой Меркатора пользуемся не только мы, американцы тоже владеют информацией, и будет очень плохо, если они первыми доберутся до второго Буфера.

– Пока что только мы на верном пути.

Рыбаки обменялись беглыми понимающими улыбками.

Точка для сброса с борта ледокола «Борей» «Изделия 100», прозванного «Цербером», была выбрана не наобум, руководитель экспедиции профессор Маховицкий з н а л, где на самом деле на дне океана лежит утонувший храм Меру – сердце Гипербореи.

– Наши враги не дремлют, – после паузы проговорил Нетеряев, снова забрасывая удочку. – Их подводные лодки прочёсывают чуть ли не каждый квадратный метр дна океана. И если у нас есть сохранённые поморами древние карты, то и эти подлые потомки атлантов могли до них добраться.

– Книги Прави им недоступны.

– Слава богам! Однако надо торопиться. Скоро в поход отправится «Грозный» с новым «Крабом» на борту. В его экипаж уже включены Вербов и Вершинина. От нас зависит, кто попадёт в их команду из наших Знающих.

– Вряд ли мы сможем включить в спецгруппу сразу двоих.

– Да, «папа» уже озвучил свои рекомендации. – Нетеряев имел в виду директора ФСБ. – От «конторы», скорее всего, пойдёт спец по НЛО и НПО Титов Роберт Романович. Кандидатура эта обсуждалась на уровне оперативной поддержки. Я был против, так как не знаю за Титовым никаких особых заслуг, если не считать участие в нескольких экспедициях на плато Путорана и в аномальные зоны, а также работу по изучению остатков антарктического модуля. Кстати, он высказал несколько дельных мыслей насчёт Купола.

– Слышал, – кивнул Георгий Митрофанович. – В его интерпретации Купол представляет собой вычислительный комплекс, но компьютеры антарктов работали на иных принципах, нежели современные.

– Что в общем-то соответствует действительности. Мы сможем применить эти технологии?

– Изучая спасательный модуль? Вряд ли. Уж больно мудрёная штука это изделие. Ракета – не ракета, хотя и взлетает, как ракета, самолёт – не самолёт, живое – не живое, киборг какой-то. Не исключено, что враги предков наших научились-таки выращивать искусственные организмы либо встраивать их в технические системы. Их идол – Доход тоже был выращен, причём абсолютно на безнравственной, несправедной основе.

– Можно подумать, человечество живёт по праведным законам. Помнишь, в СМИ мелькнуло сообщение, что в одном из банков изъяты коробки с сотней килограммов долларовых купюр? Знаешь, кому принадлежал «клад»? Депутату Госдумы Алексею Лысякову, у которого задекларированный годовой доход не превышает пяти миллионов рублей, то есть меньше ста тысяч долларов. По совести человек живёт? По закону?

– Я не читаю газет, нет времени. Да и при чём тут совесть? На моей памяти был скандал с бывшим министром обороны, который на голубом глазу уверял, что не знает, чем занимается его бухгалтерия. У его сподвижницы Евгении Васильевой изъяли несколько килограммов украшений! А сколько побрякушек нашли у господина Хорошавина, бывшего губернатора Сахалина? Стеснялся ли он хоть на капельку, когда обжаловал арест «честно заработанного имущества» на миллиард с лишним рублей? А наши министры и их замы, дай бог им здоровья, хвастающиеся тем, что ездят на отдых в Крым? Да, ездят, загорают... на виллах, проживание в которых достигает пятисот тысяч рублей в сутки!

Нетеряев улыбнулся.

– Добавь в этот список бизнесменов, тратящих на свадьбы любимых чад по сотне миллионов долларов, как владелец «Руснефти» Гучериев. Или возьми Рому Абрамовича, строящего себе новую яхту за полтора миллиарда «зелёных» взамен проданной «старой». Кстати, знаешь, что он учудил?

– Мне только за Абрамовичем следить не хватает.

– Он скупил в Нью-Йорке три расположенных рядом исторических здания и собрался их объединить в одно. Городская градостроительная комиссия запретила – как «случай вопиющего потребления», но вряд ли это Рому остановит.

– Да и чёрт с ним, пусть изгаляется, лишь бы на наши архитектурные памятники не замахивался. Его никто не тронет, он «дойная корова» власти. У нас тоже случается, когда денежные мешки замахиваются на снос архитектурных раритетов. Я слышал от сотрудников, что многие российские чиновники не стыдятся показывать свои «горбom заработанные» доходы. Тот же вице-премьер Шубалов скупил весь этаж в сталинской «высотке», хотя потом утверждал с пеной у рта, что не для себя старался. А министр финансов господин Сулипанов как живёт, знаете? Ездит на люксовых иномарках, обедает в элитных ресторанах. Журналисты раскопали меню одного его ужина, я обалдел!

– Вы же не читаете газет?

– Об этом опять-таки говорили сотрудники центра, я оказался свидетелем. Господину Сулипанову были поданы профитроли, наполненные мороженым с ароматом мадагаскарской малины, салат из козьего сыра с яблоком стоимостью в полторы тысячи рублей, чёрная треска в соусе шанель и бокал шампанского, бутылка которого стоит пятьсот евро.

– Ну, такое и футболисты нашей сборной употребляют.

– И стоит ужин скромные одиннадцать тысяч рублей.

– Это чуть меньше пенсии моей мамы.

– А вы говорите – совесть... потеряли мы её, благодаря правителям.

– Не думаю, что все потеряли, есть ещё чистые души на Руси. Предлагаю не брызгать по поводу власти, уподобляясь «кухонным» политикам. Этим мы народу не поможем. Ваше предложение по кандидатуре Знающего?

– Ковалёв Юрий Илларионович.

Нетеряев снял с крючка невзрачного ерша, выпустил обратно в воду, задумался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.